

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС CIVIL PROCESS

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-107-114

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.415, 347.91

Дата поступления: 19.06.2021
рецензирования: 23.07.2021
принятия: 28.08.2021

Механика взаимодействия материального и процессуального на примере цессии в исполнительном производстве

Д. Б. Абушенко

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: abushenko73@yandex.ru

Аннотация: В статье автором рассматриваются отдельные вопросы, связанные с переходом права от цедента к цессионарию на стадии исполнения судебного акта. Обосновывается тезис о том, что факты, непосредственно не связанные с переменой лиц в материальном правоотношении, для замены стороны исполнительного производства значения иметь не должны. Обсуждаются вопросы, связанные с правовыми последствиями несовпадения уступаемого права требования с тем, что отражено в исполнительном документе. Рассматривается проблематика правовых последствий ранее состоявшегося частичного исполнения и истечения срока для предъявления исполнительного документа к исполнению. Для исполнения, произведенного должником первоначальному кредитору или приобретателю требования в период с момента получения уведомления о переходе права до замены взыскателя в установленном порядке, предлагаются подходы, направленные на согласование публичной процедуры исполнения с произошедшей переменой кредитора.

Ключевые слова: цессия; исполнительное производство; замена взыскателя; последствия исполнения ненадлежащему кредитору; окончание исполнительного производства.

Цитирование. Абушенко Д. Б. Механика взаимодействия материального и процессуального на примере цессии в исполнительном производстве // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 107–114
DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-107-114>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Абушенко Д. Б., 2021

Дмитрий Борисович Абушенко – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Уральский государственный юридический университет, 620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.06.2021
Revised: 23.07.2021
Accepted: 28.08.2021

Mechanics of the interaction of material and procedural using the example of an assignment in execution proceedings

D. B. Abushenko

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: abushenko73@yandex.ru

Abstract: In the article, the author considers certain issues related to the transfer of law from the assignor to the assignee at the stage of execution of a judicial act. The thesis is substantiated that the facts that are not directly related to the change of persons in the material legal relationship should not have any significance for the replacement of the party to the enforcement proceedings. The issues related to the legal consequences of the discrepancy between the assigned right of claim and what is reflected in the enforcement document are discussed. The problems of legal consequences of the earlier partial execution and the expiration of the deadline for submitting the enforcement document for execution are considered. For the execution of the claim made by the debtor to the original creditor or the acquirer in the period from the moment of receipt of the notification of the assignment until the replacement of the recoverer in accordance with the established procedure, approaches are proposed aimed at coordinating the public execution procedure with the change of the creditor that has occurred.

Key words: assignment; enforcement proceedings; replacement of the recoverer; consequences of execution to an improper creditor; end of enforcement proceedings.

Citation. Abushenko D. B. *Mekhanika vzaimodeystviya material'nogo i protsessual'nogo na primere tsessii v ispolnitel'nom proizvodstve* [Mechanics of the interaction of material and procedural using the example of an assignment in execution proceedings]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 107–114. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-107-114> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Abushenko D. B., 2021

Dmitry B. Abushenko – Doctor of Legal Sciences, professor at the Department of Civil Process, Ural State Law University, 21, Komsomolskaya Street, Yekateriburg, 620137, Russian Federation.

Российский законодатель, к сожалению, не очень охотно обращается к механизмам межотраслевого взаимодействия. Нормативные акты, как правило, четко ограничивают сферу своего применения строго определенными отраслевыми отношениями, и случаи, когда разработчики переходят невидимую отраслевую демаркационную линию, крайне редки. Подобный подход, видимо, кроется в классическом преподавании отдельных правовых дисциплин и последующей узкой специализации тех, кто выбирает деятельность, так или иначе связанную с законотворчеством. Однако «отраслевой изоляционизм», на наш взгляд, явление сугубо умозрительное; от него не остается и следа, когда возникает конкретный правовой конфликт. В состоянии спора стороны для эффективной защиты интересов чаще всего просто вынуждены оперировать как институтами частного права, так и сугубо процессуальными – в итоге нередко происходит т. н. отраслевое наложение.

Цессия на стадии исполнительного производства являет собой как раз тот случай, когда требуется довольно выверенное и аккуратное взаимосоотношение норм о переходе субъективного права с теми нормами, которые регулируют публичные правоотношения, уже возникшее в результате предъявления исполнительного документа ко взысканию¹. Понятно, что охватить все возможные вопросы, которые бы возникали на подобном стыке материального и процессуального, в одной статье совершенно невозможно². И тем не менее мы попытаемся выявить некие хотя бы самые общие подходы – те, что должны определять общую логику функционирования института уступки при наличии у взыскателя уже имеющегося исполнительного документа и возбужденного исполнительного производства.

Начнем с действующего правового регулирования. Часть 1 ст. 52 ФЗ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗИП) в числе прочих случаев, влекущих замену стороны исполнительного производства ее правопреемником, упоминает также и уступку права требования. Увы, но каких-либо норм, которые бы регламентировали более инструментальные аспекты, касающиеся взаимных связей между переходом права от цедента к цессионарию,

с одной стороны, с публичной исполнительской процедурой – с другой, указанный закон не содержит. По понятным причинам соответствующие нормы отсутствуют и в гражданском законодательстве. Эту пробельность некоторым образом восполнил Верховный Суд РФ: сравнительно недавно он дал разъяснения, касающиеся цессии именно на стадии исполнения³. Конечно, их явно недостаточно для какой-то целостной картины, однако они дают определенную пищу для размышлений⁴. В настоящей статье мы попытаемся поставить несколько базовых вопросов, отталкиваясь в том числе и от предложенных интерпретаций указанного судебного органа.

1. На наш взгляд, отправной точкой для последующих рассуждений должен выступать следующий тезис: *факты, непосредственно не связанные с переменной лиц в материальном правоотношении, для замены стороны исполнительного производства значения не имеют*. В частности, не должно учитываться волеизъявление правопреемника и правопреемника. Специфика уступки на стадии исполнения состоит в том, что юридическая действительность основного обязательства (обязательства, которое, собственно, и подлежит принудительному исполнению) под сомнение не ставится: такое обязательство либо уже прошло судебную проверку, либо может быть проверено в будущем, но произойдет это не в рамках процедуры замены взыскателя в исполнительном производстве, а посредством возбуждения самостоятельного судебного производства (например, при предъявлении иска о признании сделки недействительной). Следовательно, проверка оснований для замены взыскателя должна ограничиваться исключительно вопросами действительности цессии как сделки и установления факта перехода прав от одного лица к другому.

Однако Верховный Суд РФ придерживается иного мнения, предлагая на стадии исполнения учитывать волеизъявление приобретателя требования. Так, указанный орган обращает внимание на то, что, «осуществляя процессуальное правопреемство на стадии исполнения судебного акта, суд производит замену цедента цессионарием по

¹ Заметим, что сами по себе вопросы цессии и правопреемства, в т. ч. в публичном правоотношении, конечно же, неоднократно становились предметом научных исследований: см. например: [1–6] и др.

² Общим вопросам соотношения материального и процессуального посвящено немало содержательных работ – см.: [7–11] и др.

³ Все рекомендации указанного судебного органа поместились в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 54).

⁴ Обратим внимание на то, что относительно содержания п. 35 постановления Пленума ВС РФ № 54 уже высказывались как цивилисты, так и процессуалисты [12, с. 135–137].

заявлению или с согласия последнего...»⁵ Иначе говоря, если приобретатель требования прямо не выражает свою волю на замену взыскателя, то последний остается в правоотношении, возникшем в исполнительном производстве. Понятно, что ситуация эта довольно редкая – разумный интерес лица, которое стало кредитором в материальном правоотношении, должен подтолкнуть его и к соответствующей замене внутри процедуры принудительного исполнения, иначе денежные средства или иное имущество от должника неосновательно получит первоначальный кредитор. Однако оставим в стороне истинные мотивы пассивного поведения приобретателя требования (скажем, входя в одну группу со взыскателем, он для целей налогообложения может быть заинтересован в более позднем зачислении денежных средств и вполне резонно рассчитывает их получить в следующем налоговом периоде не от должника, а как неосновательное обогащение от первоначального кредитора, предполагая, что должник произведет исполнение именно ему) и поставим несколько более общих вопросов. Во-первых, действительно ли отсутствие волеизъявления приобретателя требования должно препятствовать замене взыскателя? И во-вторых, могут ли участники материального правоотношения манипулировать субъектным составом сторон в исполнительном производстве, по сути, игнорируя произошедшую замену кредитора?

Начнем с того, что вследствие сохранения в исполнительном производстве первоначального кредитора интересы должника никоим образом не страдают. Верховный Суд РФ прямо указывает, что «должник, получивший уведомление об уступке, вправе не осуществлять исполнение цессионарию до замены взыскателя»⁶. Да и в целом, конечно же, для должника не имеет особого значения, в пользу кого производить исполнение. Теоретически, однако, допустимы довольно редкие случаи, когда у должника все же может быть интерес к замене персоны взыскателя. Речь идет о ситуациях, дающих основание должнику предполагать, что приобретатель требования совершит либо воздержится от совершения действий, выгодных именно должнику: к примеру, заявит ходатайство об отложении исполнительных действий (ч. 1 ст. 38 ФЗИП), о возвращении исполнительного документа (п. 1 ч. 1 ст. 46 ФЗИП) либо откажется от получения вещи, указанной в исполнительном документе (ч. 2 ст. 88 ФЗИП).

Впрочем, анализа интересов должника в замене или сохранении первоначального кредитора в исполнительном производстве явно недостаточно, чтобы понять, действительно ли разумна рекомендация Верховного Суда РФ о волеизъявлении приобретателя требования как необходимом условии для замены взыскателя. На наш взгляд, имеются и иные причины, которые не дают повода отступать от буквального толкования ч. 1 ст. 52 ФЗИП и дополнять фактический состав еще и волеизъявлением приобретателя требования.

Во-первых, сохраняя свой статус в исполнительном производстве, взыскатель может совершить определенные распорядительные действия, которые негативно повлияют на фактическое исполнение. Например, отказ взыскателя от взыскания повлечет прекращение исполнительного производства и невозможность повторного предъявления исполнительного документа к исполнению (п. 2 ч. 2 ст. 43, ч. 5 ст. 44 ФЗИП). Понятно, что приобретатель требования, не выражая волю к замене взыскателя, должен принимать на себя все риски (в том числе и риск неразумного поведения первоначального кредитора). Однако такое развитие событий, по сути, означает, что у первоначального кредитора сохранилось право своей волей превратить обязательство в натуральное. Полагаем, для стабильности оборота это довольно вредное явление – сторона, уже выбывшая из материального правоотношения, тем не менее сохраняет возможность оказывать на него столь радикальное влияние.

Во-вторых, сам первоначальный кредитор, принудительно оставленный в статусе взыскателя, несет издержки, связанные с продолжением исполнительного производства и исполнением обязанности произвести передачу неосновательно полученного приобретателю требования. По этой причине не исключен последующий спор, связанный с их возмещением между первоначальным кредитором и приобретателем требования.

В-третьих, публичность информации об имеющихся исполнительных производствах может дезориентировать иных участников оборота: формально взыскателем значится одно лицо, а де-юре кредитором в силу состоявшейся цессии является совсем другое. Здесь, в частности, возникают риски нарушения прав и интересов кредиторов взыскателя и приобретателя требования. Так, кредитор взыскателя на основании информации об имеющихся исполнительных производствах может рассчитывать на обращение взыскания на дебиторскую задолженность. Напротив, кредитор приобретателя требования будет исходить из отсутствия у последнего прав требования к иным лицам. Между тем в обеих ситуациях внешне видимое правовое положение взыскателя и приобретателя требования не соответствует действительному.

По этим соображениям полагаем, что при правопреемстве на стадии исполнения судебного акта необходимо основываться на буквальном толковании ч. 1 ст. 52 ФЗИП, а суд должен производить замену цедента цессионарием как при наличии, так и в отсутствие волеизъявления приобретателя требования (если с заявлением о замене взыскателя обратится должник либо первоначальный кредитор, то при доказанности состоявшегося перехода прав в установленном материальном правоотношении суд должен вынести определение о правопреемстве, даже если приобретатель требования возражает против надления его статусом взыскателя).

Вывод об ошибочности рекомендации Верховного Суда РФ о необходимом волеизъявлении приобретателя требования как условия для замены

⁵ Пункт 35 постановления Пленума ВС РФ № 54.

⁶ Там же.

взыскателя позволяет дать ответ и на более общий вопрос о допустимости манипулирования субъектным составом сторон в исполнительном производстве (имеется в виду согласованная тактика взыскателя – первоначального кредитора и приобретателя требования в вопросе заявления либо незаявления ходатайства о замене взыскателя). На наш взгляд, замещение в исполнительном производстве одного лица другим (вопреки де-юре существующему материально-правовому отношению) возможно лишь в каких-то особых случаях, когда имеется некое благо, ценность которого перевешивает возможные негативные правовые и экономические последствия несоответствия внешне видимого правового положения взыскателя и приобретателя требования действительному⁷. Поэтому поведение сторон, утаивающих состоявшийся переход, либо, наоборот, вводящих в заблуждение о якобы состоявшемся переходе права, должно оцениваться как порочное. Соответственно, при разрешении возможных споров суду следует учитывать недобросовестность cedentа и цессионария, исключая неблагоприятные правовые последствия не только для должника, но и для иных участников, которые полагались на публичную информацию о фигуре взыскателя. Скажем больше: для целей частноправовых соглашений сторон, направленное на сознательное искажение информации о действительном кредиторе применительно к конкретному исполнительному производству, должно квалифицироваться как ничтожное.

2. Далее необходимо определиться с *правовыми последствиями несовпадения уступаемого права требования с тем, что отражено в исполнительном документе*.

Умозрительно здесь можно выделить два варианта: первый – кредитор уступил меньше, нежели ему принадлежит на основании исполнительного документа; второй – кредитор, наоборот, уступил больше.

Уступка части требований предполагает, что в материальном правоотношении образуется активная множественность. Понятно, что право кредитора распорядиться требованием именно таким образом не может быть ограничено вследствие возбуждения исполнительной процедуры. По этой причине в законодательстве об исполнительном производстве необходимо лишь обеспечить соответствующий правовой инструментарий для приобретателя требования – он должен занять место взыскателя в той части, в которой к нему перешло право требования. Иначе говоря, правовым следствием частичной уступки будет возникновение активной множественности и в исполнительном производстве (сокредиторы станут одновременно и совзыскателями – ч. 5 ст. 49 ФЗИП). Более сложен второй вариант. Причины соверше-

⁷ В качестве примера здесь можно привести случай защиты прав авторов произведений, выпущенных анонимно или под псевдонимом (см. п. 3 ст. 15 Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., п. 86 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

ния сделки, по условиям которой уступается больший объем требований, нежели указан в исполнительном документе, могут быть разными. Например, возможны техническая ошибка либо даже недобросовестные действия со стороны cedentа. Не исключен также случай, когда стороны указали завышенную сумму права требования вполне добросовестно и без каких-либо пороков воли, исходя только лишь из особенностей ранее разрешенного спора. Скажем, если это касается договорной неустойки, которую суд первой инстанции снизил по ст. 333 Гражданского кодекса РФ. В этом случае приобретатель требования становится «единоличным» кредитором во всем обеспечительном обязательстве, арифметически определяемом так, как это предусмотрено без учета имевшего место снижения. Логика сторон при этом основывается на достижении двоякой цели: добиться изменения судебного акта в части снижения неустойки в суде проверочной инстанции и одновременно произвести замену взыскателя в исполнительном производстве. Здесь, полагаем, необходимо исходить из базовой посылки о том, что если передали больше, чем было, то это большее включает и меньшую часть. Следовательно, никаких препятствий для замены взыскателя не возникает.

Однако если все же имеет место порок самой цессии как сделки, связанный именно с объемом уступленного права требования, то это влечет самостоятельное правовое последствие – у заинтересованного субъекта появляется возможность для предъявления иска, к примеру, о признании оспоримой сделки недействительной. Отдельно отметим, что в отсутствие соответствующего судебного решения, которым такая сделка опорожена, суд не вправе игнорировать основание правопреемства (например, заблуждение относительно объема уступленного права требования не дает оснований для констатации изначальной ничтожности цессии)⁸.

3. Теперь обратимся к вопросу о *правовых последствиях ранее состоявшегося частичного исполнения*.

Какое влияние на замену взыскателя его правопреемником имеет ранее состоявшееся исполнение части обязательства? Верховный Суд РФ разъяснил, что, осуществляя процессуальное правопреемство на стадии исполнения судебного акта, суд производит замену cedentа цессионарием по заявлению или с согласия последнего в той части,

⁸ Верховный Суд РФ также выделяет оба из рассмотренных вариантов, указывая, что «уступка части требований либо несоответствие уступленной суммы денежного требования сумме, взысканной в соответствии с резолютивной частью судебного акта, сами по себе не являются основанием для отказа в замене взыскателя новым кредитором» (п. 35 постановления Пленума ВС РФ № 54). Полагаем, в приведенной рекомендации указанный судебный орган допустил довольно существенную неточность: как было показано выше, при частичной уступке сокредиторы станут одновременно и совзыскателями, поэтому традиционной «замены взыскателя новым кредитором» производиться не должно.

в которой судебный акт не исполнен⁹. Ранее состоявшееся исполнение прекратило обязанность должника в соответствующей части, а потому даже если взыскатель вследствие злоупотребления или ошибки уступил уже несуществующее право требования, то такая сделка, разумеется, не может «реинкарнировать» прекращенное обязательство. В этом смысле рекомендация указанного судебного органа сомнений не вызывает.

Вместе с тем возникает другой вопрос: какой эффект оказывает «замена цедента цессионарием... в той части, в которой судебный акт не исполнен», на субъектный состав правоотношения, в рамках которого возмещаются понесенные до цессии расходы взыскателя по совершению исполнительных действий? Проще говоря, переходят ли к приобретателю требования права, связанные с возмещением таких расходов, или же они остаются у прежнего взыскателя? Понятно, что стороны в договоре цессии могут разрешить этот вопрос, и тогда компетентный орган при вынесении акта о замене взыскателя обязан будет основываться на содержании такой договоренности. Однако каким должно быть решение вопроса, если в договоре цессии вообще не разрешен вопрос о судьбе понесенных до перехода права требования расходов взыскателя по совершению исполнительных действий? На наш взгляд, базовое правило о полном замещении одного субъекта другим в процессуальном правоотношении следует применять и в исполнительном производстве (*de lege lata* к этому подталкивает и содержание ч. 4 ст. 52 ФЗИП): правопреемник должен принимать на себя все последствия, возникшие до цессии для его правопреемника в рамках публичного правоотношения по исполнению судебного акта. Поэтому при отсутствии в договоре цессии соглашения об ином необходимо исходить из полного перехода к правопреемнику прав на возмещение расходов взыскателя по совершению исполнительных действий, в том числе и тех, которые возникли до или вследствие частичного исполнения, произведенного правопреемнику.

В то же время предложенный подход, полагаем, не должен применяться к правоотношению по поводу хранения арестованного имущества. Для случая, когда такое имущество передано на хранение взыскателю, после его замены правопреемником следует исходить из прекращения указанного правоотношения – при ином подходе место хранителя автоматически занимал бы субъект, который, вполне вероятно, де-факто не имеет возможности осуществлять функции хранителя и у которого само имущество не находится в фактическом обладании. Здесь разумнее было бы вновь вернуться к разрешению вопроса о субъекте, способном обеспечить надлежащее хранение арестованного имущества (и если таковым будет признан правопреемник взыскателя, то необходимо основываться на том, что возникло новое правоотношение по хранению, а прекратившееся старое правоотношение предполагает возврат имущества).

⁹ Пункт 35 постановления Пленума ВС РФ № 54.

4. Следующий вопрос, который находится на стыке частного и публичного, состоит в определении *правовых последствий исполнения, произведенного должником приобретателю требования в период с момента получения уведомления о переходе права до замены взыскателя в установленном порядке.*

Поскольку законодатель придает значение тому, от кого получено уведомление о переходе права (п. 1 ст. 385 Гражданского кодекса РФ), то целесообразно рассмотреть два самостоятельных варианта: первый – когда такое уведомление направлено первоначальным кредитором, второй – когда приобретателем требования.

4.1. Рассмотрение первого варианта начнем с важной цивилистической посылки: если уведомление о переходе права направлено должнику первоначальным кредитором, то исполнение, совершенное должником в пользу указанного в уведомлении нового кредитора, по общему правилу считается предоставленным надлежащему лицу, в том числе в случае недействительности договора, на основании которого должна была производиться уступка¹⁰. Иначе говоря, обязанность должника прекращается даже и тогда, когда само основание для перехода права было порочно. Получается довольно запутанная ситуация:

– исполнение, произведенное должником приобретателю требования, приравнивается к исполнению надлежащему лицу, а следовательно, причин для продолжения исполнительного производства не имеется;

– требования, указанные в исполнительном документе, были исполнены не в пользу взыскателя, и потому формально отсутствуют основания для окончания исполнительного производства;

– вне зависимости от того, состоялся ли переход права и была ли проведена замена взыскателя приобретателем требования, должник защищен фикцией надлежащего исполнения, вследствие чего с него в принципе ничего не может быть взыскано (в том числе и в рамках процедуры принудительного исполнения).

Какие могут быть предложены выходы из такой ситуации?

Начнем с того, что общая идея, защищающая интересы должника (для случая, когда он получил уведомление от первоначального кредитора о состоявшемся переходе права), конечно же, должна ретранслироваться и в исполнительное производство: было бы странно препятствовать должнику в исполнении его обязанности на период, пока компетентный орган не разрешит вопрос о замене взыскателя. В конце концов, у должника могут быть свои интересы в том, чтобы как можно скорее освободиться от обязанности (прекращение начисления санкций за неисполнение, снятие публичных ограничений и т. п.). Отталкиваясь от этой посылки, следует признать, что ни в законе, ни на уровне разъяснений высших судебных инстанций не содержится легальных механизмов, которые бы связывали состоявшееся прекращение материального обязатель-

¹⁰ См. п. 20 постановления Пленума ВС РФ № 54.

ства исполнением лицу, не являющемуся взыскателем, с одной стороны, и необходимость продолжения исполнительской процедуры (с заменой взыскателя или без таковой) – с другой. Итак, в действующем законодательстве имеется пробел. Восполнять его необходимо специальным правилом, которое бы императивно предписывало оканчивать исполнительное производство в том числе и тогда, когда исполнение в силу норм гражданского законодательства произведено лицу, формально взыскателем не являющемуся. Понятно, что оценку допустимости такого исполнения и, соответственно, разрешение вопроса о наличии основания для окончания исполнительного производства должен давать исключительно суд (включая случаи, когда исполнительное производство возбуждено на основании исполнительного документа, выданного несудебным органом). Отметим также, что приобретатель требования имеет самый непосредственный интерес в разрешении указанного вопроса. Более того, при действительности договора цессии и состоявшемся переходе права он примет на себя все правовые последствия действий, совершенных ранее в исполнительном производстве. По этой причине разумнее было бы сначала разрешать вопрос о замене взыскателя и только затем уже устанавливать, имеются ли основания для окончания исполнительного производства.

4.2. Теперь обратимся ко второму варианту: как следует поступать, если должник произведет исполнение приобретателю требования, полагаясь исключительно лишь на уведомление о переходе права, полученное от цессионария? На наш взгляд, предложенная выше общая логика применима и здесь: в первую очередь должен быть разрешен вопрос о замене взыскателя, а уже затем – вопросы о квалификации произведенного исполнения и наличии оснований для окончания исполнительного производства.

Поскольку в этом случае не действует фикция надлежащего исполнения, то не исключено, что должник окажется в крайне неприятном положении: например, если выяснится, что в действительности переход права не состоялся, то произведенное им исполнение (скажем, уплата денежных средств) вообще не будет иметь правового значения для исполнительного производства (принудительное исполнение будет продолжено с прежним взыскателем, а должнику придется предъявлять самостоятельный иск о взыскании неосновательного обогащения от лжецессионария).

5. С предыдущим вопросом связан и вопрос о *правовых последствиях исполнения, произведенного должником первоначальному кредитору в период с момента получения уведомления о переходе права до замены взыскателя в установленном порядке.*

Временной разрыв между получением должником от взыскателя уведомления о переходе права и заменой взыскателя в исполнительном производстве делает возможной также и ситуацию исполнения взыскателю, который вследствие цессии уже не является кредитором. Ни ФЗИП, ни разъясне-

ния Верховного Суда РФ не определяют правовых последствий такого исполнения для исполнительного производства. Между тем в рассматриваемом случае вполне возможно столкновение противоположных интересов:

– с одной стороны, должник может иметь разумные сомнения в действительности полученного уведомления о переходе права (например, если оно подписано лицом, полномочия которого не подтверждены должным образом), либо для должника могут быть очевидны обстоятельства, влекущие недействительность цессии; в подобных ситуациях понятно его стремление, действуя в рамках публичного правоотношения, исполнить обязанность именно так, как это предписано процедурой исполнительного производства;

– с другой стороны, взыскатель может иметь вполне объяснимый интерес не получать исполнение от должника (к примеру, получив плату за цессию, он не желает уже выступать «передаточным звеном» между должником и приобретателем требования, так как полагает, что это повлечет для него определенные налоговые последствия);

– с третьей стороны, цессионарий вполне очевидно ожидает получить исполнение от должника: приобретая право требования, он рассчитывал на то, что займет место взыскателя и сможет воспользоваться механизмами принудительного исполнения; состоявшееся же исполнение в пользу первоначального кредитора вполне возможно исключит взыскание с должника и повлечет новый судебный спор о взыскании неосновательно полученного с цедента.

На наш взгляд, при разрешении возникающих вопросов здесь необходимо выделять два самостоятельных варианта.

Первый основан на том, что предмет исполнения передается органу принудительного исполнения (а не непосредственно взыскателю). Для него можно было применить механизм «замораживания»: к примеру, поступившие от должника на депозитный счет подразделения судебных приставов денежные средства будут находиться на таком счете до момента, пока в установленном порядке не будет разрешен вопрос о замене взыскателя (в итоге их получит именно тот, кто действительно является кредитором).

Второй вариант, напротив, предполагает, что предмет исполнения передается непосредственно взыскателю. Здесь при решении вопроса о правомерности действий должника следует принимать во внимание то, от кого было получено уведомление о переходе права, и поведение взыскателя. Применительно к случаю, когда уведомление получено только лишь от приобретателя требования, следует учитывать разъяснение Верховного Суда РФ, который подтверждает право должника исполнить обязательство первоначальному кредитору¹¹. Действительно, если взыскатель не позаботился уведомить должника и, более того, принял от него исполнение, странно было бы в чем-то упрекать должника. Соответственно, в этом случае имеется и безусловное основание для окончания исполнительного производства.

¹¹ См. п. 20 постановления Пленума ВС РФ № 54.

Напротив, если сам взыскатель (первоначальный кредитор) уведомил о переходе права должника, а тот, по сути, проигнорировал такое уведомление, то именно должник должен принимать на себя все риски, связанные с исполнением ненадлежащему субъекту. Скажем, если должник производит платеж денежных средств на счет взыскателя, то это следует квалифицировать как ненадлежащее исполнение. В подобных ситуациях после состоявшейся замены взыскателя принудительное исполнение следует продолжить с новым взыскателем, а должник вынужден будет предъявлять самостоятельный иск о взыскании неосновательного обогащения к первоначальному кредитору.

В то же время противоречивое поведение самого взыскателя в некоторых случаях, на наш взгляд, следует рассматривать как извинительное для должника (применительно к вопросам определения надлежащего кредитора и квалификации произведенного исполнения). Например, если после полученного уведомления о переходе права должник лично взыскателю передает спорную вещь, а тот ее принимает, то должник может разумно полагать, что взыскатель, по сути, дезавуировал ранее сделанное им уведомление (или подтвердил, что оно было направлено неуполномоченным лицом).

6. Наконец, последний вопрос, который мы хотели бы поднять в рамках этой статьи, это вопрос о *последствиях цессии в случае истечения срока для предъявления исполнительного документа к исполнению*.

Понятно, что материально-правовой эффект цессии никоим образом не связан с тем, возбуждено или нет исполнительное производство, предъявлен или нет исполнительный документ к исполнению, истек или нет срок для такого предъявления и пр. Однако может ли оказать какое-либо влияние на будущее отношение, связанное с принудительным исполнением, уступка, совершенная еще до того, как это отношение возникло, при условии, что срок для предъявления исполнительного документа к исполнению истек?

Верховный Суд РФ разъяснил, что если истек срок для предъявления исполнительного листа к ис-

полнению, то суд производит замену только в случае восстановления срока на предъявление исполнительного листа к исполнению¹². При этом указанный судебный орган ссылается на ст. 23 ФЗИП, что, видимо, следует понимать следующим образом: приобретатель требования, еще не имея статуса взыскателя, лишен возможности обратиться с заявлением о восстановлении срока на предъявление исполнительного листа к исполнению; по этой логике подобное действие вправе совершить лишь первоначальный кредитор. В итоге лицо, скорее всего, уже утратившее интерес к фактическому исполнению, вынуждено будет инициировать рассмотрение вопроса о восстановлении срока, а субъект, который, напротив, непосредственно заинтересован в том, чтобы должник произвел исполнение именно ему, вынужден ожидать положительного разрешения указанного вопроса и только затем получит возможность заявить ходатайство о замене взыскателя. Такой подход видится спорным: хотя обстоятельства пропуска срока и связаны с поведением первоначального кредитора, тем не менее проявлять активность и доказывать их наличие будет, как правило, именно тот, кто преследует цель возбуждения исполнительного производства, т. е. приобретатель требования. Поэтому, на наш взгляд, для случая, когда переход права требования состоялся в промежутке между выдачей исполнительного документа и предъявлением его к исполнению, правом подачи заявления о восстановлении срока на предъявление исполнительного документа к исполнению должен быть наделен не только взыскатель (ч. 1 ст. 322 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ч. 2 ст. 432 Гражданского процессуального кодекса РФ, ч. 1 ст. 23 ФЗИП), но и его правопреемник. И если такое заявление подано именно правопреемником, то, учитывая взаимосвязь законного интереса к восстановлению срока с материальным и процессуальным правопреемством, суду следует вынести одно судебное определение, в котором будет и дана оценка состоявшейся (либо несостоявшейся) цессии, и разрешен вопрос о наличии оснований для восстановления срока на предъявление исполнительного документа к исполнению.

¹² См. п. 35 постановления Пленума ВС РФ № 54.

Библиографический список

1. Белов В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. Москва: ЮрИнфоР, 2000. URL: https://vk.com/wall-89850005_78011.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. Москва: Статут, 1997. URL: https://private-right.ru/wp-content/uploads/Dogovornoe_pravo_T1.pdf.
3. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. III. Обязательственное право. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2004. URL: https://vk.com/wall-89850005_129419.
4. Нечаев А. И. Процессуальное правопреемство в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. URL: <https://www.prlib.ru/item/942351>.
5. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1950.
6. Семякин М. Н. Юридическая конструкция цессии в гражданском праве Российской Федерации: теоретический и практический аспекты исследования // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2018. № 3 (47). С. 80–96. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36543922>.
7. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970.

8. Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15989430>; <https://www.disscat.com/content/yuridicheskie-fakty-v-mekhanizme-realizatsii-norm-grazhdanskogo-protsessualnogo-prava>.
9. Грось Л. А. Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право (научно-практические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1999.
10. Рожкова М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2010. URL: https://rozhkova.com/pdf/DOC_DISSER.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19236733>.
11. Машутина Ж. Н. Судебная защита и проблема соотношения материального и процессуального: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1972.
12. Байбак В. В., Ильин А. В., Карапетов А. Г., Павлов А. А., Сарбаш С. В. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 3. С. 80–137. URL: <https://publications.hse.ru/articles/220444716>; <https://igzakon.ru/magazine491>.

References

1. Belov V. A. *Singulyarnoe pravopreemstvo v obyazatel'stve* [Singular succession in obligation]. Moscow: YurInfoR, 2000. Available at: https://vk.com/wall-89850005_78011 [in Russian].
2. Braginskii M. I., Vitryanskiy V. V. *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* [Contract law. General provisions]. Moscow: Statut, 1997. Available at: https://private-right.ru/wp-content/uploads/Dogovornoe_pravo_T1.pdf [in Russian].
3. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy: v 4 t. T. III. Obyazatel'stvennoe pravo* [Selected works: in 4 volumes. Vol. III. Law of Obligations]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr «Press», 2004. Available at: https://vk.com/wall-89850005_129419 [in Russian].
4. Nechaev A. I. *Protsessual'noe pravopreemstvo v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural succession in civil proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 2012. Available at: <https://www.prlib.ru/item/942351> [in Russian].
5. Novitskiy I. B., Lunts L. A. *Obshchee uchenie ob obyazatel'stve* [General doctrine of obligation]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1950. Available at: https://vk.com/wall-188752153_2719; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21030969> [in Russian].
6. Semyakin M. N. *Yuridicheskaya konstruktsiya tsessii v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty issledovaniya* [Legal construction of cession in the Russian civil law: theory and practice]. *Ekonomicheskoe pravosudie v Ural'skom okruge* [Economic Justice in Ural District], 2018, no. 3 (47), pp. 80–96. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36543922> [in Russian].
7. Gukasyan R. E. *Problema interesa v sovetskom grazhdanskom protsessual'nom prave* [The problem of interest in the Soviet civil procedural law]. Saratov, 1970 [in Russian].
8. Yarkov V. V. *Yuridicheskie fakty v mekhanizme realizatsii norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal facts in the mechanism of implementation of the norms of civil procedural law: Doctoral of Law thesis]. Yekaterinburg, 1992. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15989430>; <https://www.disscat.com/content/yuridicheskie-fakty-v-mekhanizme-realizatsii-norm-grazhdanskogo-protsessualnogo-prava> [in Russian].
9. Gros' L. A. *Vliyanie norm material'nogo prava na grazhdanskoe protsessual'noe pravo (nauchno-prakticheskie problemy): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Influence of norms of substantive law on civil procedural law (scientific and practical problems): author's abstract of Doctoral of Laws thesis]. Moscow, 1999 [in Russian].
10. Rozhkova M. A. *Teorii yuridicheskikh faktov grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: ponyatiya, klassifikatsii, osnovy vzaimodeistviya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theories of legal facts of civil and procedural law: concepts, classifications, basics of interaction: Doctoral of Law thesis]. Moscow, 2010. Available at: https://rozhkova.com/pdf/DOC_DISSER.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19236733> [in Russian].
11. Mashutina Zh. N. *Sudebnaya zashchita i problema sootnosheniya material'nogo i protsessual'nogo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial defense and the problem of the correlation of material and procedural: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Tomsk, 1972 [in Russian].
12. Baibak V. V., Ilyin A. V., Karapetov A. G., Pavlov A. A., Sarbash S. V. *Kommentarii k Postanovleniyu Plenuma VS RF ot 21.12.2017 № 54 «O nekotorykh voprosakh primeneniya polozhenii glavy 24 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o peremene lits v obyazatel'stve na osnovanii sdelki»* [A Commentary on the SC RF Plenary Ruling of 21 December, 2017 No. 54 «On Certain Issues in the Application of RF Civil Code Chapter 24 on Contractual Assignment of Rights and Debts under an Obligation»]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii* [Herald of Economic Justice], 2018, no. 3, pp. 80–137. Available at: <https://publications.hse.ru/articles/220444716>; <https://igzakon.ru/magazine491> [in Russian].